

DOI: 10.15643/libartrus-2024.1.1

Разлад Европы

© В. В. Ильин^{1*}, И. А. Каклюгина², П. Н. Родин²

¹Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
(Калужский филиал)

Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.

²Государственный университет просвещения
Россия, 141014 г. Мытищи, улица Веры Волошиной, 24.

*Email: vvilin@yandex.ru

Согласно принятым в россиеведении, европеистике, цивилизационистике исследовательским традициям обсуждаются весьма острые сюжеты геополитического взаимодействия русской – римской панидей на современном этапе. Анализируются основания кредитоспособности субконтинентального социального и экзистенциального опыта, обеспечившие европейским народам на длительное время комфортное безбедное существование. Одновременно фиксируются причины, вызывающие наблюдаемую деструкцию отработанных в веках устойчивого достигательного европейского жизневоспроизводства. В ответственный момент кайроса распадается выкованный в веках субконтинентальный формат управления миром – колониальный захват, путь империализма, а с ним – негодный типаж миротворения the west against the rest. Объективный императив нормализации сложившихся сверхконфликтных реакций востребует реанимации толерантной договорной культуры на базе обновления конституированного балансом интересов согласованного мирового порядка. Время пророчествует, – Европе, наконец, требуется выучить едва не обязательный урок: деструктивное выталкивание России из семьи европейских народов обрекает последние на неминуемую тотальную деградацию.

Ключевые слова: Россия, Европа, новый мировой порядок.

Проблема Европы – не словно муха на куличе – не мелка. Европа – колыбель цивилизации, откуда исходит внутренний свет прогрессивного устройства, пышное великолепие общечеловеческих взлетов; Европа – икона щедрого на бурные перемены модернизационного стиля, средоточие обеспечивающих житейский комфорт технологических, институциональных новинок.

Между тем, как в обыденном опыте, на смену восторгу грядет холодное отчуждение, – точно протыкаемый иголкой воздушный шар, всеобщий паневропейский пиетет сдувается; за глянцевым фасадом вдруг обнажаются горькие тайны, – безмятежный просцениум заполняют досадные лемуры – тлетворные демоны вырождения.

Отчего же время от времени Европа утрачивает перманентную плодоносную способность? Странность, которой не перестаешь изумляться: происходящее в, казалось бы, каменной глыбе символически моделируется принципом качелей – «обилие – упадок», «пнерианский источник – иссыхающий водоем».

Недоумение не рассеивается; навеваемый им отнюдь не экзотический тезис получает смысл, обретает значение, а с ними – необходимую крепость, включаясь в демонстративную стратегию социальной и политической философии вековой давности (пробегаая более ранние отечественные – почвенные – критические исполнения). Напомним: в первой квинтиле прошлого столетия широкие, свободные горизонты обществоведения обогатились патетическими по решению, захватывающими по тону, глубокими по оценкам аналитическими идеями

Шпенглера, Ландау, комбинируя фигурами «закат», «сумерки» применительно к субконтиненту. Семантику «света» в предикации европейских реалий эксплуатировал Муратов (для фиксации снижения творческого начала Старого света) употреблявший «ночные мысли».

Итак, – смущенное состояние далеко не рафинированной истории одалиски, безвольно ожидающей терминального «захода» – в развенчивающей редакции «завершение безмятежности», – вступления в булгачную зыбкую пору безрассветной полутьмы – смутного, неясного, сбивчивого неудобья, – спонтанной смены оттепели стужей, ломающей все и всякие ориентиры, а с тем – подрывающей самостоянье сумбурным, путаным, беспорядочным маршем «в никуда».

In imo pectore: ситуацию столетнего прошлого определяло послевоенное расстройство по части:

- онтологической – эфемерность (конституирующая «потерю общего» Версальско-Вашингтонской системой, в особенности договорами четырех, пяти, девяти держав) социального порядка;
- онтической – эфемерность (конституирующая «потерю частного») экзистенциального порядка.

Потерянное поколение потерянной части материка современной геологической эпохи... Тогда – более или менее ясно. Что же сейчас? Сейчас – обретающее убедительность ощущение истощенности панъевропейского цивилизационного проекта.

Как демонстрируют в высокой литературе благодетельные эльфы, – то, с чем не справляется совесть, одолевают жизненные силы. Однако же в сумеречной обстановке отмечается раздосадающая перемена исторических декораций. Истощение чувства нравственной ответственности за собственную судьбу не компенсируется спасительным притоком жизненных сил. Европа утрачивает доселе выводящую ее из лабиринта сложностей нить Ариадны.

Как в притче Кафки, – она хотела бы перейти куда-то. Но куда?.. Неведомое, призрачное какое-то «там», определить которое не удастся и которое в конкретно складывающейся ситуации никому ничем не может помочь [7, с. 348].

Почему так? Ответ и сложен, и прост. Спасение в мире – через приятие мира. Испытания в мире приурочены к возрастанию сердечного душевного чувства к мирскому, как таковому, к миру самому по себе, и никогда – к себе. Европа самозамкнулась, – решая исключительно эгоистические вопросы, она полюбила не мир, но себя в мире. Подобно волчку из известного притчевого материала того же Кафки, Европа ловит детскую вертящуюся игрушку в виде шарика на вращающейся оси – она тщится схватить счастливое мгновение, не постигая: поймать малое – не обрести великое; история ничему не выучила, точнее – перестала учить Европу, прежде всего тому – как должна возрастать душа, прирастая приятием, любви мира.

Не случайно шпенглеровская типология европейской души выполнена на принципе снижающих параллелей: субконтинентальная духовность (в допущении в аполлониевской, магической, фаустовой культурах некоей гомологической связи) в саморазворачивании теряет свое естество (!), вырождаясь в «закатную» противоестественную антидуховность.

Европа ищет в жизни не возвышенной любви, просветления, но принижающего материального достатка, беззаботного потребительства, циничного практицизма.

Ранее пассивно-безнадежное, обреченное положение Европы усматривалось в мещанстве, теперь – в нищенстве духа.

Существовательная дихотомия «утробное – сердечное»... Драгоценное не объединяется с дешевым; умышленное подчинение форм жизни снулому накопительству для сердца губительно, – по библейскому назиданию, уста глаголопророчествуют от полноты сердечной.

Сверкают молнии перед громом, в нашем случае словно предупреждают: исчезает у Европы глаголический дар, она духовно опустошается, а потому едва не все страницы ее непрзрачной жизни уже перевернуты.

Раздаются и предвещающие бурное ненастье прерывистые гулкие звуки, доносятся раскаты, сгущаются тучи. Складывается опасная обстановка предгрозя. Вскорости может грянуть и буря с фабулой трагедии: вследствие роковой ошибки – движения от счастья к несчастью.

Осмыслению масштабных коллизий, подобных данной, положил начало, пожалуй, Софокл, склонявшийся в положительном упреждении происков судьбы к учету воли богов.

Божественное предопределение... Кому оно ведомо? Уже младший из трех афинских трагиков – Еврипид (в «Гераклидах») сомневался в достижении «сознания тайного»; тем не менее солидаризировался с Софоклом в части критики этакой людской «ушкуйности», выражаемой в скептицизме, нигилизме, вседозволенности.

Человек творит зло по неведению небесного порядка; европейский человек творит зло по пренебрежению порядком земным. В отличие от ноуменального первого феноменальный второй кристаллизуется в регуляризации – генерализации правил общежития, предобуславливающих эффективность, оптимальность, достижительность – гарантийность – человеческой деятельности [4]. Следование им – залог успеха; пренебрежение ими – условие неудачи.

С данных позиций трагедии в жизни – несчастья не от рока, а от собственного произвола. Виноват не бог – человек, самоутверждающийся не по-божески. Отчего же Европа расточила стать божескую? Оттого, что избавилась от сознания совершаемого греха. Никакого томленья духа, никакого сомнения в собственной непогрешимости. Жизнь беззаботного сластолюбца, не допускающего в свои кущи инородных искателей обилия и благодати.

Между тем райский сверхдостаток Европы равновелик ее общемировой вине. Вине за неисчислимы козни по империалистическому порабощению и разграблению остального «всего» мира.

Составляя 20% населения, Старый и его клон – Новый свет (консолидированный Запад, совокупный атлантизм):

- потребляют 80% планетарных гео- и биоресурсов;
- используя монополию на производство символической формации, навязывают свой образ жизни, искажают «душевный уклад», «творческий акт» [6, с. 280] неевропейских народов.

Европейский Запад, мировой атлантизм, таким образом, становится универсальным породителем неэтичных, антигуманных практик, степень неприятия которых в современности достигает своего апогея. Устав терпеть несправедливость, несвободу, участливое сознание народов мира организовало подлинный марафон критики узкого, скудного, жадного, безразличного европоцентризма с его порочным ядром – подменной миролюбия корыстолюбием.

Злокозненной, хищнической стати Европы в разные времена, в разных обстоятельствах, по разным поводам давали отповедь разные мыслители; отметим лишь Кьеркегора, Герцена, Ницше, Хомякова, Шевырева, Данилевского, Леонтьева. Кроме своих интересов колыбель культуры – Европа ничего не «охраняет», – точно констатировал Маркс [8, с. 120]. Дело – в этом.

По поучительному народному афоризму, каков в колыбельку, таков и в могилку, некое знамение банкротства европейского бизнес-плана просматривается в гетевском «Фаусте», где криводушная сделка с дьяволом оборачивается крахом: рытье каналов, осушение болот, возведение дамб (при знаковой гибели овидиевских Филемона и Бавкиды) подспудным образом

предуготовливает гибель героя. «Дошел до меня слух, – подытоживает Мефистофель, – что дело идет... о копании не каналов, а могилы».

Путь обеспечивающего процветание прогресса – road to hell? Перед нами – геополитический, социальный, экзистенциальный оксюморон, в существовании которого надлежит разобрататься.

Ключ тематизации семантических антиномий – рефлексия *ad intra*, предостерегающая от гиперболизации собственных достоинств: корень падения – *infallibilitas ex cathedra*.

Ratio decidendi европейской организации – культивация великого принципа инициативного порождения, развязывающего творчество в автономной свободе самоутверждающегося *homo farber* – покорителя мира. (С вариациями: у (цитируемого Саллюстием) Аппия Клавдия – *faber est suae quisque fortunae* – «каждый сам кузнец своей судьбы»; у Плавта: «*sapiens... ipsus fingit fortunam sibi*» – «мудрый... сам кует свое счастье»). (Откуда – головоломная – уровня «софии» – культурософия, социософия, историософия, антропософия – дихотомия универсумов цивилизации: *homo farber* («вестерн») – *homo liturgicus* («истерн»)).

Паттерн мирозидательных метаморфоз имеет длительную историю, точно веками, отмечаемую именами Гесиода (мифологические преобразования), Каллимаха (исторические преобразования), Эратосфена (героические преобразования), Бойоса (антропные преобразования); в более широком контексте парадигму превращений мирозидательных элементов осваивали Никандр Колофонский, Парфений Никийский, Эмилий Макр, наконец, Овидий, придавший тематике превращений-перевоплощений редакцию фазовых переходов состояний: хаоса – в космос.

Редакция «коренного поворота» как недарового приобретения-обретения, вынося за скобки легендарные предостережения «сильной личности» типа сказаний о Дедале – Икаре, Фаэтоне, обозначавших разумные пределы героике самоутвердительно порыва, составила ядро активистской платформы мировидения.

Бог умер! Да здравствует Бог! Ставший мейнстримом повсеместный гуманизм означал порабощение Бога человеком. Отныне творение мира – технологическое действие – утрачивает флер чудотворения, становится заштатной, программирующей средой обитания обязанностью.

Инициация *hortus deliciarum* (ср.: ставшая притчей во языцех боррелевская геостратегическая альтернатива «европейский сад» – «неевропейские джунгли» – *hortus siccus*) ассистируется рядом технологических инноваций переработки естественного в искусственное в запуске самодействующей безличной системы делания-производства, причинения нового человекоподобного мира.

Императивное перепрофилирование августиновского «Бог стал человеком, дабы человек стал Богом», развязало фабрикации – скабресный перевод *ordo naturalis* в *ordo artificialis*.

Еще Плавтом победители всего и вся – пиргополиники – выставлялись бахвалами, вралями, пустозвонами; Плутархом практиковались «Моралии», взывавшие к «разумной умеренности»; с некоторых пор отменяется стоическое *servare modum, finemque tenere, naturamque sequi* (меру хранить, предел соблюдать, идти за природой), – Европа ставит не на человека (причастного высокой судьбической миссии «быть человеком»), а на дельца, гешефтмахера, – человека успешного, преуспевающего (лишенного subtilitatem по части заявления неделикатных «претензий»).

Полноценный европейский опыт «поставы» оформляется цепочкой нетривиальных модификаций практического, духовного, практически-духовного жизнепроизводства, обеспечивавших самый двусмысленный нарочитый вертикальный взлет, – именно: развертывание

общества без человеческих качеств, являющее скопище технологических решений вне духовного окормления.

Исходно основой складывания европейской техногенной цивилизации оказывалось преобразование (используя театроведческие мотивы цивилизационистики) «театра переживания» в «театр представления». Подмена комфортом широты жизни с полным исключением хождения по сакральным водам реализовалась поглощением абстрактным конкретным, искусственным естественного, формальным реального, рациональным чувственного, телесным духовного. Заглавную партию в данном процессе сыграли полифундаментальные скоординированные тенденции-эпизоды, подменившие архаичную непреложную волю богов свободной волей человека и на данном граните оправдавшие творение (конструирование) мира по его (человека) самозабвенной решимости. В кругу таковых (тенденций):

- *Рационализация.* Символическое представление непредсказуемых природно-культурных стихий систематизирующей ментальной процедурой: наука – организация знания в залоге *de dicto*, подменяющем рассмотрение вещей (Аристотель) тематизацией фикций по гипотетико-дедуктивным рецептам изучения имитационных предельных отношений (Галилей, Ньютон); религия – молитва «умом» (пуритане) – превращение «живой веры» в умозрительную теологию; затевавшие масштабные социальные реформы французские революционеры (1789–1794 гг.) воздвигали храмы Высшему разуму; обыденность – аскетические практики (кальвинизм); социальное устройство – установление «царства разума» (от Бэкона до деятелей эпохи Просвещения).
- *Формализация.* Искусственная реорганизация обмена деятельностью по началам абстрактного исчисления: наука – выхолащивание содержания мысли от математики (программа Фреге – Гильберта) до лингвистики (структурализм); право – кодификация интеракции (договорная передача полномочий, прерогатив под юрисдикцию) – от коммендации до коммерции и брачной контракта.
- *Бюрократизация.* Функциональная гиперболизация целесообразного администрирования под эгидой рационально действующего служилого слоя (Гегель, Вебер).
- *Функционализация.* Инструктивная задетерминированность ролевой самореализации части в целом, наращивающая оптимальность, эффективность, работоспособность деятельности систем (тоталитарные, этатистские утопии, социальная механика от Мора, Кампанеллы, Гегеля до марксизма и либерализма).
- *Индивидуализация.* В противоположность традиционалистскому поглощению универсальным уникального – автономизация части (лица) в целом (корпорация, сословие, общество, государство) с семантизацией «персонального» под фирмой самоценного нередуцируемого к каким-то «более капитальным инстанциям» бытия (Лейбниц, Гете, философия жизни, экзистенциализм, персонализм).
- *Либерализация.* Простор легитимной самореализации в створе *laissez faire* на базе программируемой защиты индивидуальных свобод, партикулярного интереса, персонального достоинства (от теоретиков общественного договора до современных неолибералов).
- *Эгалитаризация.* Равнодостоинство лиц перед любыми субстантивациями практически-духовного (религия, мораль, политика, право) безотносительно контекстным (гендер, раса, конфессия, происхождение, статус) различиям. Максимизация вовлечения, участия на принципах толерантности, консенсуальности, делиберативности с

блокированием всяческих дискриминаций по этическим (Аристотель), политическим (социализм) признакам.

- *Мелиоризация*. Множество продуктивных диспозиций в лице установок неабсолютности, неограниченной совершенствуемости любых форм социальности согласно обозримым, постепенным, публично кредитуемым улучшениям (Мизес, Хайек, Поппер).
- *Институционализация*. Ставка на легитимные процедурные механизмы воплощения программируемых идеалов, терминальных символов «блага» по технически оформляемому «согласию» (Миллс, Роулз, Холмс).
- *Технизация*. Выхолащивание человечности в безудержной тяге к овладению тайнами природы технологическим (мегамашинерия) наступлением на естественную среду обитания с замещением ее артеактами и артефактами (Бон, Мэмфорд).
- *Инструментализация*. Трактовка мира как конструируемого сущего – гигантской лаборатории (набор «ситуаций опыта»), функционирующей в режиме утилизации вещества природы в антропомерные полезные данности (Дьюи, Бриджмен).
- *Утилизация*. Подчинение персонального и социального творчества символической прагматичности: центрирование приносящих преимущества «пользы», «выгоды» (часто смешиваемых с «корыстью»), релятивизирующих «справедливость» в угоду «интересу» (Бентам, Милль).

Кантиленное звучание европейской партии нескончаемо; оно слишком мелодично и многогласно, чтобы его разложить на самостоятельные, образующие единый напев последовательности звуков. Однако и высказанного довольно для простора квалифицирующего суждения, – цивилизационное открытие Европы – двояко:

- в измерении «индивидуальность» – гарантированность самоценности privacy – оберегаемой от внешних посягательств, вторжений (машинерией правового государства) неприкосновенности непубличной, неофициальной сферы – самореализации по своим нуждам «низового» лица в партикулярном локале;
- в измерении «социальность» – гарантированность неотчуждаемых исключительных инициатив государства на вершение истории по собственным державным усмотрениям.

Тайна великой и сложной простоты европейской организации – доведение до невозможной высоты, блеска двух интересов – персонального и национального, равнообразная материализация которых придала мощнейший импульс субконтинентальному саморазвитию. Свобода лица развязала инициативу снизу; свобода государства развязала инициативу сверху. Одна дала толчок прогрессу гражданского состояния; другая дала толчок прогрессу державного состояния. Первая объективировала демократию прав «внутри»; вторая – демократию правил «снаружи».

Не силой истины, добра, красоты завоевывала мир Европа. Она осуществляла это силой примера: обеспечением процветания собственного народа за счет умаления достоинств иных народов. В основе европейского «рая» – дискредитация, дискриминация, дисквалификация неевропейских центров развития.

Настоящее время знаменует ответственный момент «кайроса»: чувства, долго не находившие выхода, вдруг выплеснулись наружу; пришло великое прозрение: вся эта хваленая за граница – «только одна фантазия» (Достоевский).

Европейские учебники социально-политической драматургии выказали всестороннюю негодность: лицензированный силой опыта субконтинентальный формат покорения мира

опытом силы себя исчерпал. Как слишком короткая нитка выскальзывает из игольного ушка, Европа утрачивает былую движущую силу. Незадачи некогда преуспевающей стороны ойкумены полноценно описываются незамысловатым хиазмом: смотри куда идешь, а то придешь, куда смотришь.

Действительно. Всего надежнее – проторенный путь; для Европы – путь империализма. Однако колониционный напор вовне заблокирован: на восток – Россией, на юг – обретающими самодостаточность (не без влияния России, Китая) странами третьего мира. Что остается? Наступление на собственный народ. Такого никогда не было; здесь – *signum геррота- tionis*. На родине перестают радовать тому, чем не обременяют на чужбине.

Рассыпаются веками складывавшиеся устои, отработанные императивы жизнеподдержания; разлаживается оплот существования – неприкосновенная колыбель *privacy* – заповедная обыденность; мир и создаваемый человеком мир приходят в противоречие; подвергаются безжалостной переделке твердыни общежития; отмечается рецессия; разоряется средний класс; осложняется ситуация на рынке труда; захлестывает надвигание аллохтонов; снижаются привычно высокие стандарты жизни; отмечается бегство капиталов, авангардных производств; растут бюджетные дефициты...

Запускается механизм необратимых перемен, преобразующихся в коллизии внутреннего неустроя; истощаются возможности обеспечения благоденствия; утрачивается неколебимость привлекательности цивилизационного лица; происходящее итожится раздосадывающей ностальгией по *beati possidentes*.

Европа перестает созидать для себя самой общее благо. И, следовательно, – дарить надежду. Безнадежность. Общая обстановка утраты достижимости чего-то радостного, благоприятного фиксируется *epitheton ornans* «закат», «сумерки» не в смысле захода небесного светила за линию горизонта, но в смысле исхода, завершения – сумеречной поры безопорного блуждания в полутьме.

Крайний сумбур, беспорядок, путаница, ход с развальцем проявляются в специфическом ценностном вырождении (согласно лексике Шпенглера) Европы (подправляя Лукреция): когда личина срывается, а твердая суть утрачивается. Перефразируя Сенеку, правильно утвердить: все отнимает у Европы fortuna, даже и то, что дала.

1. *Самость*. В античности персональное гасилось социальным (Герцен говорил о поглощении всеобщим личного в тот период [1, с. 30]); историческое завоевание постантичной Европы – цивилизационная эмансипация лица. События текущей жизни свидетельствует о неумолимом провале в архаику.

Невозможность материального поддержания персонально ориентированной (делиберативной) демократии привычным ограблением третьего мира; досадный опыт введения чрезвычайных жестких мер по борьбе с пандемией; необходимость мобилизации ресурсов для проведения антироссийской военной кампании, – предопределяя закручивание гаек, знаменуя одиозный поворот к этатистскому администрированию, дирижизму, в интересующем нас плане означают ликвидацию счастливой дуальности *privatus – communis*; одно ополчается на другое; энергия общего заполняет пространство частного. Сказанное не сулит благоприятный исход.

За соломой выпрених парламентских слов просматривается неприглядное зерно политических действий, – а именно: фактически реанимируется (большевистский) проект выпуска «нового» человека – не склонного к протестному поведению, податливого, зависимого, уступчивого существа. Конфирмация преобразований вменяется изощренному NBICS-комплексу

(цифровая, соматическая, генная инвазия, манипуляция с эмбрионами *in vitro fertilisation*, фетальные техники, *enchantment activity*, поощрение смены пола, нетрадиционная сексуальность, *child free* и т.п.), обеспечивающему непреходящее «завоевание» Европы наших дней – культивации диффузного аморфного человека без четких «первичных качеств».

2. *Вовлеченность*. Цивилизационное новшество Европы – создание условий простору активизма, оказывающегося мотором интенсивного гражданского вовлечения, участия, республиканско-демократического вершения общесоциальных дел. В текущий момент субконтинентальной истории наблюдается, как высказал бы Адорно, негативно диалектическая ситуация, связанная с подрывом самоосуществления человека в виде безразличной нарочитой капсулизации. Европейское общество, отмечает Гольдман, все более начинает походить на множество монад без окон (ср.: Лейбниц, – «монады не имеют окон») и дверей [2]. «Жизнь соло» (Клейнберг) – бытовое досуговое затворничество – становится *lex vivendi*, свидетельствуя о далеко не легковесных вещах, как-то: разобшение интересов; замыкание в скорлупе обыденности; разочарование в общественном служении; поглощение (осложняемое снижением качества жизни) обустройством повседневности.

Атомизация утрачивающего способность заявления персонального почина в *res publica* лица олицетворяет переход на антисоциальную платформу радикального нарциссизма с сомнительным правилом всех факиров на час: «Лови день, меньше всего – веря грядущему» (Гораций).

3. *Трудовая, мирская аскеза*. Жизнь – дар и испытание. Нетривиальное инновационное завоевание Европы – укоренение в качестве *lex orandi* (закон молитвы), *lex credendi* (закон веры), *lex bene operandi* (закон честного труда) духа личностного дерзания, парадигмы достижительности: чем больше дано, тем больше надо сделать. Последнему содействовала общесоциальная реформация, обязывавшая толковать «успех» под фирмой «богоизбранности». Именно в таком разрезе – в семантике «поступок суть акция» – «прибыльная афера», отменяя традиционные этические стереотипы сдержанности, скромности в заявлении своих достоинств, заслуг (умеренность, пристойность – путь к неизвестности), протестантское сектантство (пуританизм, кальвинизм, лютеранство и более дробные деноминации – менониты, баптисты, квакеры, методисты, адвентисты, анабаптисты, индипенденты, конгрегационалисты) расценивали профессиональное, жизненное признание, удачу как алтарь богослужения.

Подготовка небесной юдоли – земное предпринимательство, мирская целеустремительная, обслуживающая *money making affairs* инициатива. Персональная ответственность человека перед Богом без посредничества церкви – смелое стремление не к чему-то высокому, благородному – преимущественно имущественному, финансовому достоянию. По достоянию – воздаяние.

На данной практически-духовной базе оконтуривается социальный евангелизм: спасение через трудолюбие – культ упорства, целеустремления, обрамляющий сакристию труда.

С недавних пор принцип «без оглядки – вперед», утрачивая привлекательность, разбудил квинтетские императивы праздности: предпринимательство подменилось иждивенчеством; закон честного труда стал законом неминуемого долга; «зарабатывать» превратилось в «кредитоваться».

Еще Плавт («Проделки парасита») расточал гнев (одновременно высмеивая менял, ростовщиков, любителей легкой наживы) по части тунеядства; теперь растет патентованный слой трудоспособных лентяев, влезających в долги (и рассчитывающихся по процедуре банкротства).

Расставаясь с прошлым, Европа теряет настоящее и будущее, становясь источником тяжелых предосудительных недостатков, какими выступают дармоедство, захребетничество, нахлебничество, себялюбие, инфантилизм: все нам – должны. В неизбежной инверсии, однако, грядет время публичной исповеди: все ли вам – европейцам – должны?!

4. *Своекорыстие*. Репер европоцентризма – эгоцентризм – принцип жизнестроения, базирующийся на радикализации благополучия атомарного «Я». Современное время отличает глубокий эрозийный процесс себялюбия во всех ипостасях:

- индивидуальной – крах просвещенческих установок «разумного эгоизма» (Мандевиль, Гельвеций, Гольбах, Смит); утилитаристских (Бентам) превознесений частной «выгоды»; солипсистских (Штирнер), волюнтаристских (Шопенгауэр), анархистских (Прудон) императивов полной свободы «от» и «для», – по причине несбалансируемости «общего» и «частного» дела; существовать в обществе и существовать независимо от него в нем невозможно;
- групповой – крах политического лоббизма (легально-легитимного давления (экспертиза, шантаж, подкуп) на властные структуры, государственное управление, социальное самоуправление со стороны плотно сбитых ангажированных, отстаивающих корпоративные интересы котерий); как подчеркивал в бытность свою Плутарх: чрезмерное честолюбие, необузданное себялюбие на государственном, общественном поприще – губительно; в том числе пагубна *crescit eundo* космополитическая диспозиция *self maid* апатридов «родина там, где активы»;
- субконтинентальной – крах стратегии неограниченного экономического роста [5] для избранных, организации международного сотрудничества на несправедливых началах пристрастности; как подчеркивает Макиавелли: «...Бог и природа дали всем людям возможность достигать счастья, но она чаще выпадает на долю грабителя, чем на долю умелого труженика, и его чаще добиваются бесчестным, чем честным ремеслом»; откровенно проводимая Европой (атлантизмом) линия разорения остального мира выглядит неприглядным анахронизмом, не может быть скомпенсирована никакими (впрочем, непродолжительными) театральными позами вроде вычурного коленопреклонения белых перед цветными на массовых мероприятиях. Вина преодолевается стремлением к правде, а не тягой к сомнительному лицедейству.

5. *Разволшебствование (расколдовывание) мира*. Непреходящее изобретение Европы – мобилизационная оснастка поведения целеустремленным, целевоплотительным духовным принципом, осуществляющим оживление самостроения, самоопределения, смыслополагания. Учение о ценностном (сверхэмпирическом) опосредовании эмпирической активности удостоверением его нормативной значимости – сугубая заслуга европейского (западного) метасознания, выводящая индивида на простор акцентной смыслоопределенной самореализации.

В случае западной цивилизации гиперболизируется формальный рациональный расчет (в итоге и конституирующий европейский строй жизни), дискредитирующий автократические (вождизм), традиционные (харизматообразные) версии социально-политического десижонизма и обеспечивающий – при минимальной зависимости человека от человека – замыкание интеракции (коммуникации, обмена деятельностью) на универсальные параметры – ценности.

С некоторых пор, к несчастью, набирает силу питаемый технизацией, бюрократизацией, сциентизацией, калькуляцией, схематизацией полноводный поток разволшебствования, выбивания из-под существования ценностных опор жизнеспровождения. Характерная вежа

показательных сдвигов в чувствительном критико-аналитическом метасознании – разлучение жизненного и ценностного миров – доктрины трансцендентного царства ценностей (Риккерт, Шелер); гуманитарного кризиса «третьего», «четвертого» человека (А. Вебер); расколдовывания действительности (М. Вебер); бездуховности человека (бихевиоризм); общества потребления (неокейнсианство, Ростоу, Тоффлер, Рисмен); массового отчуждения (Фромм); одномерного человека (Маркузе); массового общества (Ортега-и-Гассет, Маннгейм, Миллс) и др.

Лишенный аксиологической оснастки homo aestimator деградировал до уровня homo consumens, превратился в заурядного, безликого, социальной механизацией обнуленного филистера с вытравленной (по пирамиде Маслоу), духоискорененной человечностью (хайдеггеровский, сартровский, марселевский схематизм «man»).

Современный европейский кризис эксплицируется синтагматическим рядом: «разлад», «распад», «развал» веками пестуемого цивилизационным ядром человечества самого ценностного канона миротворительного конструктивизма, – Европа выработала, опробовала и пролонгирует негодный типаж миротворения: the west against the rest, активизирующий оппозиционную вселенскую фалангу.

Анналы истории поставляют свидетельства достаточно изощренных субконтинентальных приемов купирования внутренней и внешней фронды в виде мягких и жестких технологий создания адептов, достижения сплоченности единомыслия и единодействия.

В кругу первых: линия Теодориха на сближение европейской знати; линия Юстиниана на организацию династических браков. Практика фамильных ситусов как рычаг учреждения европейского единства, оказавшись слишком прямолинейной, выказала недолговечность, неэффективность вследствие несбалансированности семейных и национальных интересов. Скажем: этническая немка Екатерина II проводила жесткий бескомпромиссный курс относительно Пруссии; аналогично близкий ей по происхождению Вильгельм II Гогенцоллерн не выказывал никаких родственных чувств (как «дядя Вилли») ни к Николаю II – своему дальнему родственнику, ни к своей соотечественнице и родственнице Александре Федоровне Романовой (урожденной принцессе Алисе Гессен-Дармштадской – супруге последнего российского императора), педалируя откровенную антироссийскую политику и т.п.

В кругу вторых: пресловутый *drang nach osten*, у истоков которого – Генрих I Саксонский, начавший захват земель полабских славян; активно продолжавшие неправомерное теллурическое расширение Наполеон, Гитлер; современная экспансия римской панидеи под знаменем движения на восток НАТО [3].

Россию силовым образом вытесняли из Европы спустя полвека после разгрома Франции; спустя полвека после разгрома Германии (показательная арифметика – предмет сакральной геополитической нумерологии). В текущий момент мировой истории с Россией «окончательно» хотят разобраться как с «империей зла», делая ставку на тлетворную «русифобскую» (мизантропичная утопистская платформа «уничтожить Россию с русскими») (головоломная тема, обусловлена ли опытно верифицируемая перманентная конфронтация Европы – России (контурно покрываемая ареалами римской – русской панидеями) генетической несопряженностью «гаплоидных» форм R1a и R1b – эранов и эрбенов, – воспрепятствующих какому-либо их замирению, – должна версифицироваться четким словом биологической науки, которая, к досаде, по сей день хранит молчание).

Традиционная ненависть Европы к России [3], приобретшая в настоящем какое-то навязчивое, патологическое проявление, негативно влияет на способность принимать здравомысленные

решения. К числу прямых разрушений предпосылок созидательной работы, инициировавших распадение «связи времен», наступление внутреннего беспорядка, разлада, относятся:

- диверсии на обслуживающем энергопоставку «Северном потоке»;
- обкладывание России многочисленными самозатратными санкциями;
- разрыв политического, экономического, культурного, правового, образовательного, гуманитарного взаимодействия;
- безоглядное, денонсирующее ранее достигнутые договоренности по геополитическому сотрудничеству агрессивное расширение НАТО на Восток с ущемлением законных интересов России.

Печальный итог – Европа лишилась аутентичного лица:

- утратив материальное благополучие;
- позволив США разорить себя;
- получив неприятную внутреннюю оппозицию в лице еврадиссидентов (Венгрия, Словакия, Австрия);
- проблематизировав содержание на довольствии «новоевропейцев» (как актуальных – Балтия, Румыния, Болгария, так и потенциальных – Молдавия, Украина, Сербия);
- расширив базу протестного поведения, забастовочного движения;
- вызвав оформление антиевропейского антиимпериалистического фронта;
- заимев в своем центре зону полного сплошного бедствия;
- понизив престиж собственной власти (второй по значимости мировой финансовой единицей стал юань).

Некогда Дж. Кеннан – один из архитекторов «холодной войны» – при открытой неприязни к СССР, все же выказывая необходимый политическому деятелю минимальный уровень трезвого восприятия реалий, предостерегал от близорукой линии на откровенное подавление и уничтожение. Дело завершилось выработкой более или менее согласованного мирового порядка в рамках взаимоприемлемого *modus vivendi* (тот же Хельсинкский пакт).

В связи с непотребным проектом поглощения Западом Украины ситуация радикально изменилась, вызвав бессмысленное горячее столкновение римской и русской панидей. Объективная логика нормализации ультразатратных испытаний востребует реанимации договорной культуры. Как говорил Эрн, «время славянофильствует»; несокрушимым выводом из происходящего оказывается императив партнерства: Европа должна, наконец, выучить долгожданный геополитический урок: единство субконтинента (активно пропагандируемое в сложный момент мировой истории Масариком) без России невозможно; в нежелании принимать эту истину Старый Свет обречен на разлад, разброд, шатание.

Литература

1. Герцен А. И. *Собрание сочинений в 30 т.* Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 3. 363 с.
2. Гольдман Л. *Сокровенный бог.* Москва: Логос, 2001. 480 с.
3. Ильин В. В. *Российская империя. Отжившее и живое.* Москва: Проспект, 2023. 384 с.
4. Ильин В. В. *Философия истории.* Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 380 с.
5. Ильин В. В. *Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен.* Москва: Проспект, 2022. 104 с.
6. Ильин И. А. *Наши задачи: историческая судьба и будущее России.* Москва: МП «Рарог», 1992. 616 с.
7. Кафка Ф. *Превращение.* Санкт-Петербург: Азбука, 2020. 352 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения в 30 т.* Москва: Госполитиздат, 1957. Т. 8. 705 с.

Поступила в редакцию 03.02.2024.

DOI: 10.15643/libartrus-2024.1.1

The discord of Europe

© V. V. Ilyin^{1*}, I. A. Kaklyugina², P. N. Rodin²

¹Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Kaluga branch)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Russia.

²State University of Education
24 Vera Voloshina Street, 141014 Mytishchi, Russia.

*Email: vvilin@yandex.ru

According to the research traditions accepted in Russian studies, European studies, and civilizationistics, very acute subjects of the geopolitical interaction of the Russian – Roman panidei at the present stage are discussed. The article analyzes the foundations of the creditworthiness of the subcontinental social and existential experience, which provided European peoples with a comfortable existence for a long time. At the same time, the causes of the observed destruction of the foundations of sustainable, achievable European life reproduction, worked out over the centuries, are fixed. At the crucial moment of kairos, the subcontinental format of world governance forged over the centuries is disintegrating – the colonial takeover, the path of imperialism, and with it the unsuitable type of peacemaking the west against the rest. The objective imperative of normalizing the prevailing super-conflict reactions requires the reanimation of a tolerant contractual culture based on the renewal of an agreed world order constituted by a balance of interests. Time is prophesying – Europe finally needs to learn an almost obligatory lesson: the destructive expulsion of Russia from the family of European nations condemns the latter to inevitable total degradation.

Keywords: Russia, Europe, new world order.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V., Kaklyugina I. A., Rodin P. N. The discord of Europe // *Liberal Arts in Russia*. 2024. Vol. 13. No. 1. Pp. 3–14.

References

1. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t. [Collected works in 30 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. Vol. 3.
2. Gol'dman L. *Sokrovennyi bog [The inmost god]*. Moscow: Logos, 2001.
3. Il'in V. V. *Rossiiskaya imperiya. Otvzhivshee i zhivoe [Russian empire. Obsolete and alive]*. Moscow: Prospekt, 2023.
4. Il'in V. V. *Filosofiya istorii [Philosophy of history]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003.
5. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen [Philosophy of crisis. Humanity on the verge of catastrophic changes]*. Moscow: Prospekt, 2022.
6. Il'in I. A. *Nashi zadachi: istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii [Our tasks: the historical fate and future of Russia]*. Moscow: MP "Parog", 1992.
7. Kafka F. *Prevrashchenie [The metanorphosis]*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2020.
8. Marx K., Engels F. *Sochineniya v 30 t. [Works in 30 volumes]*. Moscow: Gospolitizdat, 1957. Vol. 8.

Received 03.02.2024.